

Сухонин Петр Петрович

Род князей Зацепиных
Том 2. Исторический роман

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
П30

П30 **Петр Петрович С.**
Род князей Зацепиных: Том 2. Исторический роман / Сухонин Петр Петрович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 405 с.

ISBN 978-5-519-75991-5

ISBN 978-5-519-75991-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Медвѣжья охота.

Утро 8 ноября 1740 года было сквернѣйшее даже для петербургскаго климата. То моросило, то шель снѣгъ. Было холодно и сыро. По Невѣ шель ледъ почти сплошными массами; сообщеніе города съ зарѣчными частями прекратилось.

Баталіонъ преображенскаго полка, вступавшій въ караулъ, раздѣленный на отряды по постамъ, безъ обычной церемоніи выпелъ изъ новыхъ казармъ. Онъ шель на церковь Сямеона и Анны, чтобы тамъ раздѣлиться и одному дивизиону идти для занятія караула въ лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ регентъ имперіи, герцогъ Биронъ; другому занять караулъ въ адмиралтействѣ; а двумъ послѣднимъ, при знамени, расположиться карауломъ въ зимнемъ дворцѣ, гдѣ помѣщался императоръ, шестимѣсячный ребенокъ Іоаннъ III, и его родители, принцъ Антонъ и принцесса Анна Брауншвейгскіе.

Проходя мимо церкви, баталіонъ долженъ былъ проходить мимо дома Нарышкина, гдѣ временно помѣщался тогда фельдмаршалъ Минихъ, подполковникъ преображенскаго полка.

Солдатики шли, неся ружья вольно и ругая, разумѣется про себя, петербургскую погоду. Вдругъ они увидѣли, что, не смотря на эту погоду и на раннее утро, фельдмаршалъ идетъ съ своимъ адъютантомъ Манштейномъ пѣшкомъ и прямо къ нимъ на встрѣчу.

— Подъ прикладъ, къ отданію чести, караулъ стой! скомандоваль ведущій баталіонъ секундъ-маіоръ полка Пушкинъ, согласно дѣйствовавшему тогда уставу о полевой и гарнизонной службѣ. Баталіонъ остановился.

— Во фронтъ, слушай, на кра-улъ! продолжалъ командовать! Пушкинъ.

Солдаты исполняли команду, думая про себя: «куда это чортъ его спозаранку несеть»?

— А нечего сказать, хоть и нѣмецъ, а молодцомъ идетъ. Смотрите братцы: пдеть словно въ рожу-то ему ни снѣгъ, ни дождь не хлещутъ! Вниманія онъ не обращаетъ на эту мразь! Соколы, сказать нечего! Хоть-бы нашему брату—русскому.

Фельдмаршалъ подошелъ къ караулу и поздоровался. Онъ прошелъ по фронту, останавливаясь и дѣлая нѣкоторымъ изъ солдатиковъ полуплутивые, ласковые вопросы. На снѣгъ и дождь онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, будто въ самомъ дѣлѣ они его не касались. Солдаты даже повеселѣли, смотря на бодрое, веселое и добродушное лицо разговаривавшаго съ ними фельдмаршала, говорившаго и смѣявшагося подъ снѣгомъ и дождемъ такъ же спокойно, какъ-бы въ манежѣ или у себя въ кабинетѣ.

— Хорошо, хорошо, говорили фельдмаршалъ,—молодцы! Видно что службу любите и служба васъ за то любить! Вотъ теперь вамъ будетъ полегче. Герцогъ приказалъ шесть полевыхъ баталіоновъ привести, чтобы въ его дворцѣ они караулъ держали.

— Что-жъ, ваше сіятельство, развѣ его высококняжеская честь не вѣрить, что мы службу свою справимъ? А на тяжесть мы еще николи не жаловались! буркнулъ одинъ изъ стоящихъ при знамени сержантовъ.

— Ну нѣтъ, думать такъ не слѣдуетъ! сказалъ какимъ-то особымъ тономъ фельдмаршалъ.—Гвардія должна охранять императора, а онъ только регентъ и хочетъ облегчить... А холодно? вдругъ неожиданно сказалъ онъ, пожимая плечамъ.

— Холодно, ваше сіятельство! отвѣчали солдаты.

— Не то что въ казармѣ, что я для васъ строилъ; тамъ хорошо, тепло!

— Точно такъ, ваше сіятельство, покорнѣйше благодарствуемъ!

— Да, да! Старался для васъ, ребята! А точно холодно, прибавилъ онъ морщась. Распорядись, батенька, сказалъ онъ секундъ-майору, командовавшему баталіономъ,—когда будешь мимо меня идти, вели остановиться! А ты распорядись, продолжалъ онъ

обращаясь къ адъютанту,—чтобы солдатикамъ хоть по чаркѣ водки дали по-отогрѣться. Сегодня погода-то такая-же какъ, помните ребята, когда мы съ вами за Дунаемъ мерзли! Выпейте-ка за здоровье молодого императора!

— Ради стараться, ваше сіятельство, покорнѣйше благодаримъ весело отвѣчали солдаты.

Фельдмаршалъ улыбнулся своею добродушною улыбкою, отмахнулся и пошелъ далѣе. Командующій баталіономъ повелъ людей къ дому Миниха, гдѣ солдатамъ дали по доброй чаркѣ водки и по калачу. Солдаты на походѣ, разумѣется, поминали угощеніе добрымъ словомъ.

— А вѣдь регентъ-то, братцы, значитъ и впрямь намъ не вѣрить, когда полевые полки зоветъ! сказалъ сержантъ, набивая ротъ калачемъ.

— Ну его къ чорту, эту чухонскую крысу! отозвался молодой солдатикъ, отдувая свободную руку.—Онъ думаетъ—полевые полки противъ насъ пойдутъ! Шалить! Не таковской народъ, чтобы чухляндію сталъ отстаивать! Скажетъ матушка цесаревна—скорѣе насъ пришибутъ!

— Болтай вздоръ-то! Смотри, чтобы самого на пристрастіи секущей не пришибли!

Солдатикъ замолчалъ, озираясь испуганно.

— Я дядюшка ничего, я такъ...

— То-то ничего; думай про себя, а болтать нечего!..

Караулы разошлись, пришли на мѣста, произошла смѣна, развели часовыхъ, распустили карауль. Въ лѣтнемъ дворцѣ караульная комната оказалась нетопленою и холодною; солдаты, понятно, опять стали ругать Бирона, дождавъ свои калачи.

— Ишь, русскія дрова бережетъ, и караулку-то натопить жаль!

Минихъ между тѣмъ воротился къ себѣ и сидѣлъ съ премьеръ-маіоромъ семеновскаго полка генералъ-маіоромъ графомъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ.

— Я хоть и самъ нѣмецъ, говорилъ Минихъ, — но, признаюсь, на такое нѣмецкое царство не согласенъ! Что это такое? Остерманъ, Остерманъ и Остерманъ! Отдаю справедливость его способ-

носитемъ, но несогласенъ отдать ему все въ руки. Притомъ гдѣ-же заслуги Бирона? Чтѣ такое онъ сдѣлалъ государству?

— За Бирона, ваше сіятельство, изъ гвардіи не станетъ ни одинъ человѣкъ. Командиръ нашего полка, за малолѣтствомъ государя императора, нашъ подполковникъ, его высокопревосходительство генераль-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, хотя и съ большимъ уваженіемъ относится къ регенту, но, я увѣренъ, пальца о палецъ не ударить, чтобы его поддержать.

— Вы думаете, графъ? Я, признаюсь, боялся, что вашъ старикъ очень преданъ Бирону?

— Э, нѣтъ, ваше сіятельство! Я не далѣе какъ вчера говорилъ съ его адъютантомъ Власевымъ. Вы изволите знать, это любимецъ Андрея Ивановича? Изъ его словъ прямо было видно, что впрочемъ я зналъ и до него,—что нашъ страшный генераль говоритъ: «всякая власть отъ Бога; Биронъ—Божье наказаніе!

— Богъ наказуетъ, Богъ и милуетъ, такъ-ли? спросилъ Минихъ.

— Я полагаю, что Андрей Ивановичъ такъ и смотритъ. Скажетъ: воля Божья и станетъ такъ же усердно оберегать новую власть, какъ теперь оберегаетъ Бирона. Онъ скажетъ: разсуждать не наше дѣло, наше дѣло—повиновеніе!

— Стало-быть по русской поговоркѣ, кто ни попъ, тотъ батька? съ усмѣшкою проговорилъ Минихъ. И такъ какъ нѣмецкій акцентъ въ немъ все-же слышался, не смотря на то, что Минихъ жилъ въ Россіи уже шестнадцать лѣтъ, и, въ противоположность Бирону, прилагалъ всѣ усилія къ изученію русскаго языка и съ русскими, почти всегда, говорилъ по-русски, то поговорка эта на языкѣ Миниха вышла очень смѣшна; вышло очень похоже на то: кто не попъ, тотъ патока!

Апраксинъ улыбнулся, Минихъ это замѣтилъ.

— Что, батинька, сказалъ онъ добродушно.—Выходитъ, что нѣмецъ и въ могилѣ сказывается! Ну чтожъ дѣлать? Мои молдаванцы мнѣ прощали, что нѣтъ-нѣтъ, да и насмѣшу ихъ какимънибудь словечкомъ. Они знали, что ихъ фельдмаршалъ хоть не всегда по-русски говоритъ, да всегда по-русски дѣлаетъ. Не прячется за шанцами, да за ихъ русскими спинами, а самъ готовъ

прикрывать ихъ своею нѣмецкою грудью. Ну а здѣшніе-то еще не знаютъ! Охъ, не знаютъ! Потому то я и разсуждаю... Но вы, графъ, говорите, что это вѣрно?

— Будьте покойны, ваше сіятельство; у насъ ни одинъ чело-
вѣкъ не пошевелинется.

— А измайловцы,—вы какъ думаете?

— Ну тамъ другое дѣло! Хотя оно и точно, что солдатики и тамъ не очень за нѣмцевъ, но все же командиры всѣ, начиная съ прапорщика, съ самаго начала изъ курляндцевъ набраны были. Потомъ, все же имъ командуетъ родной братъ герцога, и, сказать нечего, полкъ имъ доволенъ!

— Такъ что я хорошо распорядился, что большую часть полка отправилъ за рѣку. Ну, графъ, и такъ—рѣшено! Выберите вы мнѣ изъ своихъ молодцовъ сотни двѣ на случай... Знаете изъ такихъ, что не задумываются; а изъ моихъ преображенцевъ я уже отобралъ; да Манштейнъ и Кенигфельсъ съ караулами, думаю, распорядились, такъ что онъ немного найдетъ себѣ защитниковъ...

Вошелъ адъютантъ фельдмаршала подполковникъ Манштейнъ.

— Ну вотъ за семеновцевъ ручается! сказалъ Минихъ своему адъютанту, указывая на Апраксина.—У тебя все-ли готово?

— Все какъ изволили приказать, ваше сіятельство!

— Ну, такъ будь же готовъ и самъ, когда я пришло; только виду не показывай! А въ случаѣ неудачи, господа,—хоть кажется неудачи не должно быть, но все же слѣдуетъ сказать,—въ случаѣ неудачи, вы другъ друга и не видали; все на меня вали! дескать фельдмаршалъ приказанія давалъ, а намъ никакого разсужденія имѣть не полагалось!

Этими словами Минихъ ихъ отпустилъ и поѣхалъ къ Бирону.

Но до него еще пріѣхалъ къ Бирону оберъ-гофмейстеръ графъ Левенвольдъ. О его пріѣздѣ доложилъ дежурный адъютантъ. Биронъ поморщился.

— Вѣрно опять просьба, высказалъ онъ вслухъ.—Послѣ смерти государыни двѣ награды получилъ, все мало. Не могу же я всю штатсъ-контору на однихъ братьевъ Левенвольдовъ отдать! Пусть подождетъ!

Съ этимъ отвѣтомъ, хотя въ весьма вѣжливой формѣ, адъютантъ вышелъ къ Левенвольду.

Левенвольду отвѣтъ былъ не по душѣ. Онъ вспомнилъ, какъ дружески обратился къ нему Биронъ во время болѣзни императрицы, какъ товарищески и сердечно говорилъ тогда съ нимъ. «Не прошло и трехъ недѣль, а теперь не то; подумалъ онъ. — Совсѣмъ не то. Даже не то, что при государынѣ было! Тогда все же была узда, а теперь,—теперь... Напрасно, напрасно,—не годится въ воду плевать, пить захочешь!»! подумалъ Левенвольдъ. Но, поморщившись, онъ только прибавилъ:

— Доложите его высочеству, что я по весьма важному дѣлу отъ графа Андрея Ивановича Остермана!

Адъютантъ доложилъ. Биронъ нахмурился.

— Чтобы такое? Ну зови! сказалъ онъ.

Левенвольдъ вошелъ.

— Что такого важнаго? спросилъ Биронъ, откидываясь на своихъ герцогскихъ креслахъ, какъ властелинъ передъ своимъ кнехтомъ.

Левенвольдъ былъ далеко не такъ сдержанъ, какъ генераль-аншефъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, и высокомерный пріемъ герцога его очень озадачилъ. Онъ покраснѣлъ даже,—но что же дѣлать? «Пока онъ регентъ... притомъ что тамъ будетъ, а теперь отъ него зависитъ помочь Левенвольду въ его тѣсныхъ дѣлахъ»! Этимъ разсужденіемъ Левенвольдъ старался себя успокоить.

— Графъ Андрей Ивановичъ, будучи нездоровъ, поручилъ мнѣ обратиться къ вашему высочеству...

— Графъ Андрей Ивановичъ вѣчно нездоровъ! Признаюсь, это становится скучно... Я просилъ графа Андрея Ивановича приготовить мнѣ декларацію для французскаго посланника. И вотъ уже третій день жду! недовольнымъ тономъ сказалъ Биронъ.

— Можетъ быть потому-то графъ и поручилъ мнѣ обратиться къ вашему высочеству, прося вашего вниманія. Онъ говоритъ, что замѣчаетъ съ нѣкотораго времени ваше неудовольствіе къ нему и какую-то холодность, тогда какъ онъ съ искреннѣйшею и нижайшею преданностью готовъ служить вашему высочеству, какъ и служилъ всегда по мѣрѣ своего умѣнья и разума. А теперь, кромѣ

всѣхъ внѣшнихъ отношеній, онъ былъ весьма озабоченъ вопросомъ о внутреннемъ укрѣпленіи и возвышеніи самодержавной власти вашего высочества, какъ регента имперіи.

Отъ этихъ словъ герцога передернуло. «Что нибудь да есть, когда съ этимъ присылаетъ Остерманъ», подумалъ онъ.

— Что же такое? спуская тонъ ступеню ниже, спросилъ герцога.

— Графъ Андрей Ивановичъ, рассматривая практическое положеніе дѣлъ, поручилъ мнѣ доложить вашему высочеству, что въ утвержденіи и укрѣпленіи положенія вашего высочества онъ встрѣчаетъ важный противовѣсъ и что отъ удаленія такого противовѣса зависить...

— То есть кто же это? принцъ Антонъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество, есть нѣкто болѣе опасный человѣкъ... Докладить объ этомъ графъ Андрей Ивановичъ счелъ своею обязанностью: этотъ опасный человѣкъ — фельдмаршалъ графъ Минихъ.

При первыхъ словахъ о внутреннемъ укрѣпленіи и возвышеніи, лицо Бирона вытянулось, и онъ уже завертѣлся въ креслахъ. Когда же Левенвольдь окончилъ, то передъ нимъ сѣдѣлъ уже совсѣмъ другой человѣкъ. вмѣсто высокомернаго и неприступнаго герцога, передъ нимъ сѣдѣлъ искательный, ласковый и проницательный курляндецъ, готовый служить и нашимъ, и вашимъ.

— Э, графъ! сказалъ въ отвѣтъ Биронъ. — Неужели вы и графъ Андрей Ивановичъ думаете, что я этого не вижу? Да садитесь же, что вы стоите? Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ вами и съ Андреемъ Ивановичемъ по душѣ! Мы, нѣмцы, здѣсь, на чужой сторонѣ, должны держаться дружно; должны другъ за друга стоять! А графъ Минихъ точно что гнетъ какъ-то на сторону... Да что я съ нимъ сдѣлаю? Изобличить его не въ чемъ; а вѣдь не могу же я ни съ того ни съ сего вдругъ велѣть арестовать фельдмаршала. Садитесь же! Вѣдь вы обѣдаете у насъ? Герцогиня и такъ уже мнѣ замѣчала: что это, графъ Рейнгольдъ, съ самой кончины императрицы, у насъ только одинъ разъ обѣдалъ.

— Я всегда въ распоряженіи вашего высочества, отвѣчалъ Левенвольдь, — но полагаю, что вы, выслушавъ различныя сообра-

женія, которыя графъ Андрей Ивановичъ просилъ меня представить на ваше усмотрѣніе, изволите дать приказаніе отправиться къ нему, тѣмъ болѣе, что на его взглядъ дѣло это крайне нужное и спѣшное, такъ какъ отъ него зависитъ спокойствіе имперіи и вашего высочества.

— Такъ, такъ, благодарю графа Андрея Ивановича и васъ! Разумѣется дѣло прежде всего! Что же Андрей Ивановичъ говорилъ вамъ о Минихѣ?

— Графъ просилъ васъ передать, что почетное назначеніе, какъ вашему высочеству безъизвѣстно, бываетъ иногда тоже что ссылка. Графъ Ягужинскій, когда его послали въ Берлинъ...

— Да! Но графъ Ягужинскій былъ не фельдмаршалъ. . .

— Можно составить предположеніе о торжественномъ посольствѣ къ французскому королю. . .

— Минихъ не приметъ званіе посла.

— Тогда генераль-губернаторство. Онъ желалъ быть генераль-губернаторомъ Малороссіи. Если этого будетъ для него недостаточно, то графъ Андрей Ивановичъ находитъ, что для него можно возстановить гетманство. Этимъ онъ навѣрное удовольствуется, особенно если оно будетъ утверждено наслѣдственнымъ. . .

— Да! ему хотѣлось чего-то въ этомъ родѣ! Но что скажутъ русскіе? Вѣдь это значитъ потерять Малороссію!

— Андрей Ивановичъ говоритъ, что лучше потерять часть, чѣмъ рисковать всѣмъ! А русскіе будутъ довольны, что имъ на шею не станутъ сажать хохловъ. Духовенство, въ этомъ отношеніи, полностью все будетъ на вашей сторонѣ.

— Будто уже онъ такъ опасенъ?

— Всенепремѣнно, ваше высочество! Хоть войско его и не любить, но цѣнить и привыкло слушать. А вотъ уже сколько дней, какъ онъ приглашаетъ къ себѣ отдѣльныхъ начальниковъ то тѣхъ, то другихъ частей. Цесаревна. . .

— Ну въ разсужденіи цесаревны я спокоенъ. . . Вотъ принцъ Антонъ и принцесса? Вообще безмѣрное честолюбіе Миниха точно опасно! Но, я полагаю, что между преображенцами майоръ Альбрехтъ. . .

— Альбрехта обходятъ, ваше высочество! Графъ фельдмаршалъ

приглашалъ къ себѣ изъ преображенцевъ Салтыкова, Шипова, Готовцева, изъ семеновцевъ—Апраксина, Девьера; изъ коннаго полка тоже. . . Разговоры особыхъ онъ не ведетъ, придаться не къ чему, но, видимо, выпрашиваетъ, наблюдаетъ. А тутъ два дня сряду онъ имѣлъ горячій разговоръ съ принцессою. . . Графъ Андрей Ивановичъ полагаетъ, что для безопасности вашего высочества удаленіе его существенно необходимо.

— Да! Побѣжайте къ графу Андрею Ивановичу, скажите, что я искренно его благодарю и прошу приготовить всѣ бумаги по его предположенію о гетманствѣ. Быть гетманомъ онъ не откажется! Идаль дѣлать такъ русское царство, да что дѣлать-то, своя рубашка, говорятъ, къ тѣлу ближе!

Въ это время вошелъ дежурный адъютантъ и доложилъ: его сіятельство фельдмаршалъ графъ Минихъ!

Биронъ и Левенвольдъ переглянулись.

— Проси! сказалъ Биронъ.

— Я не къ вамъ! Не хочу отнимать у вашего высочества ваше драгоценное для всѣхъ насъ время, хотя разумѣется, какъ и всякій вѣрноподданный, счастливъ видѣть своего всемилостивѣйшаго регента, . . . но все же не къ вамъ, а къ моей прекрасной покровительницѣ герцогинѣ Бенигнѣ! говорилъ весело и съ улыбкою Минихъ, принимая протянутую къ нему руку Бирона. Очень радъ встрѣтить васъ, графъ, у распорядителя судебъ нашихъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ графу Левенвольду и тоже пожимая ему руку.—А я, признаюсь, уже думалъ, что вы совсѣмъ измѣнили намъ и передались на сторону принца Антона. Ну что нашъ достопочтенный оракулъ, вашъ неизмѣнный другъ, графъ Андрей Ивановичъ, хвораетъ?

— Да, онъ нездоровъ! отвѣчалъ Левенвольдъ, смутившись нѣсколько отъ напоминанія о принцѣ Антонѣ. Однакожъ онъ сейчасъ-же ободрился, замѣтивъ, что Биронъ не обратилъ на замѣчаніе Миниха никакого вниманія, а напротивъ съ полною благодарностью обратился къ нему проговоривъ:—очень, очень, благодаренъ вамъ, мой другъ! Побѣжайте-же и просите графа Андрея Ивановича распорядиться, чтобы не дальше какъ завтра можно было приступить къ дѣлу. Завтра-же, надѣюсь, я и вамъ докажу

мою признательность. По этимъ словамъ герцога, Левенвольдь откланялся.

— Жена моя будетъ рада видѣть нашего побѣдоноснаго фельд-маршала, продолжалъ Биронъ, обращаясь къ Миниху, —нашего героя, отъ котораго, говорятъ, молодой прусскій король до того безъума, что планъ вашей ставучанской побѣды приказалъ нарисовать и повѣсить у себя надъ письменнымъ столомъ. Садитесь, графъ, позвольте вашу шляпу и шпагу! И у меня, и у жены моей вы всегда дорогой гость!

— Да и я, ваше высочество, какъ изволите сами знать, всегда вашъ всепокорнѣйшій и всеусерднѣйшій слуга! Я думаю, за то солонъ прихожусь я вотъ этимъ остермановскимъ господчикамъ, которымъ ваше регентство стало поперегъ горла. Имъ всѣмъ такъ хотѣлось принца Антона, да совѣта, въ которомъ Остерманъ бы царилъ, а принцъ Антонъ бы подписывалъ. Ну да мы съ вами давно поняли остермановскую музыку и на ихъ дудкѣ играть не хотимъ! Но—можно видѣть ея высочество, очаровательную герцогиню? Вѣдь, простите, я сегодня гость надолго! Герцогиня, при всякой встрѣчѣ, упрекаетъ меня, что я не пріѣзжаю обѣдать. Я далъ слово исправиться. И вотъ сегодня, мои всѣ обѣдаютъ у брата, тайнаго совѣтника барона Христіана Антоновича, а я, по пзвѣстной всѣмъ нѣмецкой экономіи, чтобы, какъ говорятъ, не разводить огня, отправился къ своей милостивой герцогинѣ, чтобы сдержать слово.

— Благодарю, благодарю, и за себя и за жену благодарю! сказали Биронъ и позвонилъ.

— Доложите герцогинѣ, что его сіятельство господинъ фельдмаршалъ желаетъ ее видѣть!

— Засвидѣтельствовать свое высокое уваженіе и поцѣловать ея добрую ручку! прибавилъ отъ себя Минихъ.

Герцогиня прислала просить. Минихъ обѣдалъ у нихъ и болталъ особенно весело, любезничая и ухаживая какъ за сорока-пяти-лѣтней рябой герцогиней Бенигной, такъ и за молоденькой Гедвигой, говоря обѣимъ комплименты, выпрашивая безпрерывно у обѣихъ позволенія поцѣловать ручку, и въ то же время любезно подраживая молодыхъ принцевъ.